

РАССКАЗЫВАЮТ НЕМЦЫ – УЧАСТНИКИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ (1)

Эти люди служили в 71-й Пехотной Дивизии, части которой первыми вышли к Волге. Двое из них – офицеры Хинденланг и Мюнх - командовали батальонами, третий - Шике был солдатом и ординарцем Мюнха. Хинденланг и Шике прошли через советский плен.

Гюнтер Хинденланг (Günther Hindenlang)

Гюнтер Хиндерланг родился в 1916 г. В Берлине. Он был пожарным по профессии, но 1939 г. добровольно записался в армию. Он служил в звании лейтенанта в 71-й Пехотной Дивизии, которая вошла в Сталинград в сентябре 1942 г. В январе 1943 г. он был повышен в звании до капитана и стал адъютантом полкового командира Фридриха Роске (Friedrich Roske), который стал командиром дивизии 26 января. Все остававшиеся в живых солдаты 71-й Дивизии были взяты в плен 31 января 1943 г. Хиндерланг вернулся домой в 1952 г. Он поселился в Ганновере, где начал заниматься бизнесом, но позднее вступил в Бундесвер на должность командира батальона.

Мы вступили в Сталинград 14 сентября 1942 г. Мы были на окраине города, когда Роске приказал: «Мы сформируем два клина: на левом фланге будет 3-й батальон Мюнха (Münch), на правом – 1-й батальон майора Добберкау (Dobberkau). Все получают зенитные пушки. Если нам удастся прорваться, мы разместим пушки на соседних улицах, чтобы отбивать контратаки русских с флангов.» Я двинулся вперед с батальоном Мюнха.

Получилось так, что нам здорово помогли самоходные орудия. Они открывали огонь сразу же, как только видели в окнах русских. Русские исчезали. Так мы беспрепятственно прорвались к Волге. На Центральном вокзале нам пришлось оставить самоходки, так как они не смогли перебраться через железнодорожные пути. Дальше мы были вынуждены продвигаться вперед без их поддержки. Командный пункт Роске был расположен близ какой-то церкви. Паулюс, Зейдлиц и еще какие-то генералы тоже были там. Они отправили меня вперед, чтобы я принес им волжской воды. Я ушел и вернулся с пустыми руками, чем они были весьма разочарованы. Я доложил, что в дневное время спуститься к реке невозможно, поскольку достаточно высунуть нос, чтобы над головой и рядом начали свистеть пули.

Хиндерланг показал свои боевые награды: два Железных Креста и Германский Крест в Золоте.

В январе 1943 г. Командный пункт 71-й Пехотной Дивизии располагался в здании Центрального Универмага. Хинделанг рассказывает о том, как командующий 6-й Армией Фридрих Паулюс искал прибежище там же в последние дни сражения.

Дело было так: как только я установил свой командный пункт в Универмаге, мой полковой командир, генерал Роске, появился там со своим штабом. После этого генерал-полковник Паулюс был выбит из южной части Сталинграда. Его адъютант полковник Адам (Adam) спросил меня, могут ли они расположиться здесь вместе с нами. Генерал Роске спросил меня: «Итак, Хиндерланг, будет ли от них какая-нибудь польза для нас?» Я ответил: «Мы не можем отказать генерал-полковнику, но он может появиться здесь с целой толпой в 120 человек. Они расползутся по всему подвалу и все сметут.» Им нужно было бы кормить и т.д., вот почему появление Паулюса с таким количеством людей стало бы большой обузой для нас. Мы очень неплохо запаслись продовольствием после захвата Сталинграда. Днями и ночами мы возили зерно с элеватора, расположенного на юге города, построили мельницу, фабрику по производству мыла и скотобойню. Мы все это построили сами, знаете ли... В конце концов, я человек весьма практичный (*смеется*), и с моим офицером-порученцем, тоже довольно практичным человеком, мы все это организовали. То есть, мы стали вполне самодостаточными.

... Когда мы вошли в Сталинград, Роске сказал: «Теперь, господа, как можно быстрее сделайте все необходимые приготовления для того, чтобы пережить зиму.» И это сработало, поэтому к концу сражения у нас было достаточно продовольствия. Но, само собой, у нас было достаточно его только для того, чтобы кормить боевые подразделения. Для других у нас ничего не было, то есть, у нас появились проблемы. Итак, к нам присоединился Паулюс. Он занял мою комнату, а его начальник штаба Шмидт (Schmidt) занял помещение напротив.

30 января я возглавил три контратаки в районе реки Царица и вернулся [живым]. Минут через 15 после того, как я вернулся, мне сообщили, что *такой-то* полковник-артиллерист, которого перебросили на наш участок фронта с его частью, сдался русским со своим батальоном. Само собой, русские смогли приблизиться к нам через образовавшийся просвет со своими танками и пушками. Тогда-то я и сказал Роске: «Полковник, завтра утром нам придется капитулировать.» Это было вечером 30 января. Затем пришла радиограмма из штаба Фюрера, из *Вольфшанце (Wolfschanze)*. В соответствии с посланием, генерал-полковник получил звание фельдмаршала. Роске тоже получил повышение и стал генерал-майором.

Когда я сказал Роске, что пришло время капитулировать, он ответил: «Ну тогда передайте оба послания фельдмаршалу.» Я прошел в кабинет Паулюса, отсалютовал и сказал ему о том, что получена радиограмма, и передал ее содержание. Он ответил: «Хорошо, теперь я – самый молодой фельдмаршал в армии, и я должен стать военнопленным.» Это заставило меня выдержать паузу, поскольку, как и Гитлер, я предполагал, что он покончит с собой. Он заметил, что я опешил, и спросил: «Как вы относитесь к самоубийству?» Я ответил: «Не думаю, что это имеет смысл. Я буду вести солдат за собой до последней минуты и, если останусь в живых, попаду с ними в плен. Я не сделаю, потому что не могу бросить своих солдат на произвол судьбы.» Он сделал такой комментарий: «Я – верующий христианин и я отвергаю идею самоубийства.» Но, полагаю, то где-то за пару недель до этого он говорил о том, что офицер не должен сдаваться в плен. Это подразумевало то, что он [Паулюс] совершит самоубийство. То есть, во так он столь резко повернул вспять...

Итак, как пошли дела после этого? На следующее утро мне сказали, что у ворот стоят русский офицер и сержант. Они просили разрешения войти. Я подошел к ним с переводчиком и спросил, что хочет офицер. Он хотел, чтобы мы капитулировали. Тогда я сказал: «Пожалуйста, переведите ему, что я буду говорить только с имеющим полномочия офицером Донской Армии (*имеется ввиду Донской Фронт – ВК*). В результате через час в сопровождении других офицеров появился генерал (*точнее – генерал-лейтенант – ВК*) Ласкин, начальник штаба Рокоссовского. Мы дали ему войти. В тот момент на моем командном пункте был только генерал Роске. Он принял русского генерала и заявил: «Я веду переговоры от лица 71-й Дивизии.»

Он продолжил переговоры, и русские согласились на все условия: у нас остаются офицерские кортики и всякая прочая ерунда. Но, знаете, у нас потом так ничего и не осталось. У нас отобрали все. Когда Роске закончил переговоры, он сказал: «Сейчас сюда придет генерал Шмидт и проведет переговоры от лица главнокомандующего.» Услышав это, русские пооткрывали рты, поскольку они предполагали, что Паулюс находится в северном кольце окружения. О том, что он у нас, они не имели понятия. Затем появился Шмидт и спросил: «Что здесь делают эти прохвосты?» Я сказал: «Генерал, пожалуйста, осторожнее, они говорят по-немецки!» Он начал вести переговоры от имени Паулюса. Они согласились, в частности, на то, что офицеры сохраняют у себя свои знаки различия, награды, денщиков и пр. Однако русские потом отобрали у нас все...

О Паулюсе

На самом деле, оказавшись в окружении, мы засыпали Паулюса предложениями, говоря ему: «Мы должны попытаться вырваться из окружения даже наперекор приказам. И вы, в конечном итоге, отвечаете за 220 000 солдат.» Но он просто не мог принять решение. Я всегда говорил, что, если бы Рейхенау (предшественник Паулюса в должности командующего 6-й Армией), остался бы на этом посту, мы вырвались бы из кольца. Рейхенау был человеком совсем другого калибра. Паулюс был хорошим офицером для Генерального Штаба, который мог провести для старшего по званию презентацию, скажем, трех возможных решений: первое, второе, третье... Затем уже командующий решает, какой вариант избрать. Паулюс был идеальным офицером для разработки вариантов, но, чтобы возглавлять армию, – нет, он был слишком молод для этого поста. Видите ли, он получил продвижение по службе от подполковника до фельдмаршала за очень короткий промежуток времени. В реальности, у нас было много способных генералов, которые вырвались бы из окружения с развевающимися знаменами...

Понимали ли вы, что после 25 декабря, [когда попытка прорвать кольцо окружения извне провалилась], вам оставалось только держаться как можно дольше, хотя разгром неминуем?

Да.

Что вы делали в этой ситуации? Писали ли вы прощальные письма?

Нет, я имел возможность послать через штаб Фюрера радиogramму женщине, с которой был к тому времени обручен. И она получила это послание. Я просто написал ей о том, что прощаюсь с ней. Знаете, я никогда не верил в то, что когда-либо вернусь домой. С самого начала я в это не верил. Это также было причиной того, что играл в рискованные игры, когда бы в плену, думая по-другому, я не стал бы этого делать...

Рискованные игры?

Да, например, у меня была копия книги Гитлера *Mein Kampf*, когда я был в плену. Когда мы были в Сталинграде, еще до окружения, до нас добралась так называемая полевая библиотека. Одной из книг в той библиотеке была *Mein Kampf*. Книжка была тоненькая, напечатанная на очень тонкой бумаге, была она в мягкой обложке. Я до этого никогда ее не читал, во всяком случае, в Германии, хотя и был старшим в пожарной команде. Но потом, в Сталинграде, у меня появилась возможность ее прочесть. Итак, я затолкал книгу в мой планшет. Вот так и случилось, что я стал носить эту книгу с собой. Меня отправили в лагерь в Бекетовке, где охранник обыскал меня. Он взял книгу в руки и спросил: «Chto takoe?» Я ответил: «Eto Bibel.» – «Nu, ruskai.»

Но должно было быть очевидным, что это не Библия. Вероятно, на обложке была свастика, разве нет?

Да, после каждой главы там была свастика, но я вырвал из книги портрет Гитлера. Проведя какое-то время в лагере Бекетовка, я был переведен в Суздаль. Там я спрятал эту книгу на кухне и засыпал крупой, так мне удавалось сохранить ее до перевода в следующий лагерь, и так было несколько раз. Затем, когда мы были в Елабуге, я принес книгу в жилое помещение, и все офицеры, которые были там, прочитали ее в первый раз. Как-то раз старший офицер-ветеринар, доктор Хютцвер (Hützver), зашел к нам – он когда-то служил в моем полку. Он сказал: «Капитан, у нас здесь для чтения только Маркс и Энгельс и тому подобное. Нет ли у вас чего-то другого на немецком?» И у меня хватило глупости пообещать ему одолжить книгу при том условии, что он не заложит меня. Слово офицера... Пока книга была спрятана. И вот однажды у нас появились русские и разошлись по всем комнатам. Нам было приказано оставаться на своих местах. И тут появился подполковник, который руководил всеми лагерями в Елабуге. Он спросил охранника, который занимался обыском: «Kniga est'?» – И тот сказал: «Nyet.» Тогда-то я и понял, что они искали мою книгу... В конце концов, я ее сжег. Я не хотел, чтобы кто-то оказался из-за нее в опасности. Сказал об этом полковнику Вольфу (Wolf): «Полковник, я эту книгу сожгу.» Предупредил его, потому что остальные хотели было использовать ее для самокруток. Теперь на это пошли *Pravda* и *Izvestiya*.

То есть, вы прочитали эту книгу в первый раз в лагере?

Да.

А раньше никогда не читали?

Нет, вовсе нет.

Как она действовала на вас? Был ли в ней какой-то иммунитет против советской пропаганды? Получили ли вы хоть немного удовольствия, когда читали ее?

Да нет. Много в ней совпадало с тем, что мы думали, это да. Тем не менее, на первой же странице он писал: «Наш путь лежит на Восток.» Понимаете, я-то об этом [раньше] не знал. Война, которую вел Гитлер, была превентивной. Выбора у него не было. На самом деле, он предполагал, что ему удастся прийти к соглашению с Англией. Но это не удалось сделать. Все, что за этим последовало, было следствием этого. Поскольку, не получив доступа к нефтяным и минеральным ресурсам России... Вообще, единственными, кто поставлял нам [железную] руду, были шведы. Без них мы не

смогли бы вести войну, с самого начала. Ну а я всегда говорил: «Мы, немцы, пришли в большую страну, [теперь] мы прокормим весь мир и присмотрим за ним.»

Вы про Россию?

Да, они [русские] и сами не знают, как управлять своей собственной страной. Она насквозь коррумпирована.

Я хотел бы спросить вас о вашем командире, Роске: у вас с ним были хорошие отношения?

Да, очень хорошие.

И вы знали друг друга и раньше?

Да, я был его адъютантом еще во время прохождения курса обучения батальонный командиров во Франции.

Вы можете кратко сказать, что он был за человек?

Человек действия.

Противоположность Паулюсу?

Да. Он тоже бы вырвался из окружения.

Что с ним произошло потом?

Он тоже вернулся домой в 1955-м и в канун Рождества того же года покончил с собой...

Трудные судьбы, знаете ли. В будущем здесь, в Европе, мы сможем этого избежать... нынешняя молодежь не будет участвовать в делах подобного рода. И слава богу!

Да, времена изменились.

А мы в то время были полны энтузиазма. Знали себе, маршировали вперед.

Что значит для вас Сталинград сегодня?

На меня он подействовал очень сильно. Как я говорил раньше: «Мне повезло, я оптимист по натуре. Я смотрю вперед и не оборачиваюсь назад.»

Вы говорили о том, что у вас были дискуссии с сыном, и его мнение отличается от вашего.

Да.

Вы спорили друг с другом о прошлом? Вы с ним говорили о прошлом?

Да, он знает об этих событиях. Он обо всем этом слышал, да и моя дочь тоже слышала обо всем, поскольку на эти темы говорили в нашем доме, когда у нас бывали гости. Все знали о том, что я был *сталинградцем (Stalingrader)*, все очень интересовались этой темой.

И еще: я потерял на войне двух братьев. Один погиб в Курском сражении, второй – в будапештской крепости.

Герхард Мюнх (Gerhard Münch)

Герхард Мюнх родился в 1914 г. в городе Веттельшлосс (Vettelschoß). Продолжив военную династию, он прошел офицерскую подготовку. В начале ВМВ он был в составе 71-й Пехотной Дивизии, которая сражалась в 1940 г. во Франции, а позднее была направлена на Восточный фронт. В период Сталинградского сражения капитан Мюнх командовал батальоном. 22 января 1943 г. он был эвакуирован из окруженного города, оставив свой батальон, в том числе своего ординарца Франца Шике. Позднее. Также в 1943-м, он был вновь послан на Восточный фронт. Конец войны он встретил в Фленсбурге, находясь в штабе Дёнитца. В 1950-х Мюнх вступил в Бундесвер, где дослужился до звания генерала.

Прорыв к Волге

Ваша часть была одной из первых, вошедших в Сталинград?

Я никогда не забуду этот момент – это было в 3.50 после полудня. В 3.50 я послал радиogramму в полк, что было зафиксировано в документах: «Мы достигли Волги.» Судьбе было угодно

распорядиться так, что я командовал батальоном, который прорвал русский фронт [14 сентября 1942 г.] и разделил их позиции на две части. Хинденбург сыграл в этом очень важную роль.

Непосредственно перед этим, на железнодорожной станции, случилась неразбериха: по ней отбомбились – там были вагоны, в которых все еще сидели русские снайперы. Мы запросили воздушную атаку на 2 часа дня. Над станцией возвышался невысокий холм, на котором стояла часовня. Там имел место последний инструктаж с генералом Роске, который тогда еще был полковником и возглавлял полк. Мы дождались 2- часов: ничего не произошло, авиация не появилась. Никаких *Штук*. Мы подождали еще пятнадцать минут. Я решил, что раз нам что-то нужно, мы должны добиться этого сами. От станции до русла реки было недалеко – всего 600-700 метров. Если порываться туда, то это нужно было делать немедленно. Со мной была всего лишь небольшая группа солдат. Когда мы приблизились к железнодорожным путям, появились пикирующие бомбардировщики и разнесли в пух и прах одну из моих рот.

В 3.50 я послал в полк радиogramму о том, что мы вышли к Волге. Со мной было всего четверо солдат. И тут случилось одно «но»: русские, у которых где-то перед станцией был подземный командный пункт, сдались в плен, настолько сильно они были настолько деморализованы бомбежкой. Теперь у меня было больше пленных, чем солдат! Мы спустились к воде, где увидели два напоминающих большие ящики здания. Мой сосед, д-р Добберкау (Dobberkau), занял одно из них, я занял другое...

Сталинградские будни

... Русские ворвались в это здание на второй или третий день. Они взорвали большой пролом над подвалом, и их большой отряд вошел в занятое нами здание. Мы обороняли первый этаж и расположенные выше этажи, в руках русских была половина подвала... Это была странная, совершенно необычная ситуация. Мы и русские были в одном здании – эти огромные *ящики* были под сотню метров в ширину. В итоге, половина здания оказалась у нас, половина – у русских. Между нами и русскими было просторное помещение – что-то вроде столовой. Так продолжалось с октября [1942] до января [1943]: мы и русские в одном здании. В помещении столовой можно было войти с обеих сторон... Когда русские ели, мы их не беспокоили. Мы знали, что они приступают к еде, когда слышали позвякивание котелков и кастрюль. То есть, в эти минуты все было тихо и спокойно. Когда мы ели, они тоже прекращали воевать. Как-то пришлось смириться с подобным существованием под боком друг у друга. Скажу вам, что обе стороны вели себя превосходно в той ситуации, это нужно признать. Так продолжалось вплоть до завершающей фазы [сражения], пока русские не начали использовать снайперов и не стали хозяевами положения. Мы уже больше не могли выходить из здания в светлое время суток: даже для того, чтобы принести что-то и сделать доклад. Только ночью, когда становилось темно, где-то около 4 утра кто-то мог выйти из здания. Будучи командиром, я должен был инспектировать батальон каждый вечер, чтобы появиться перед солдатами, сказать, что «я все еще здесь» или что-то подобное. Такие действия играют важную роль в психологическом плане: они нужны для того, чтобы солдаты не чувствовали себя покинутыми.

Что это было за чувство: ответственность за своих людей в такой трудной ситуации?

Тогда, под влиянием того, как тебя воспитали, человек ощущал чувство долга перед *Фатерляндом*, и, если твоя должность подразумевала ответственность, чувство долга перед теми, кто находится под твоей командой. Лейтенант укладывается спать на свой соломенный матрас только после того, как улегся отдыхать последний солдат из его роты. До этого он должен удостовериться в том, что все его люди хорошо отдохнут ночью. Такая забота о благополучии солдат, за которых ты отвечаешь, была плодом воспитания, которое было характерно для старого офицерского корпуса. Это нельзя было истолковать неправильно или проигнорировать... Когда люди видят своего

офицера, выстраиваются доверительные отношения. Можешь и поговорить с солдатами: находясь с тобой в одной грязной дыре, они не будут чего-то стесняться. Ты должен пройти через все то, через что проходит солдат: так строятся отношения, основанные на доверии и уважении. Только исходя из существования таких доверительных отношений, можно объяснить все то, что имело место в Сталинграде, то, что мы продержались так долго.

В книге *Hitler's War in the East* описана ситуация, в которой находящиеся на боевой позиции солдаты из моего батальона сказали следующее: «Мы больше в этом участия не принимаем.» Тогда я сам пошел на их огневую точку. Взял в руки пулемет и оставался там, пока не пришла смена из соответствующей роты. Все это заняло около получаса. Я отвел тех солдат – их было трое и один часовой – на командный пункт. Находился он в подвале, там было так же грязно, как и во всем здании, но все было целым и невредимым. Я сказал им: «Можете лечь здесь.» На следующий день мы завтракали вместе и ели то же самое: сухари и кусок конского мяса. Вот и все. Эти ребята увидели: «Он живет в тех же условиях, что и мы.» До того момента я не обсуждал с ними сложившуюся ситуацию, но сразу после этого сказал им: «То, что вы совершили, – это отказ подчиняться приказу в боевой обстановке. Мне не нужно говорить вам о том, что следует за этим. Но мы можем прийти к компромиссу: вам ничего за это не будет, вы просто возвращаетесь на свой боевой пост.» Они подумали и сказали: «Капитан, пока вы остаетесь командиром батальона, мы останемся здесь и будем выполнять ваши приказы. Если вас здесь не будет, мы будем чувствовать себя свободными в своих поступках.» На этом мы пожали друг другу руки.

Так проблема была решена. Но информация просочилась по служебным каналам, попала к военным юристам, пошел слух о том, что что-то приключилось. Кто-то явился на командный пункт и пожелал подвести парней под трибунал. Тогда я сказал: «Я пришел сюда с запада, я пришел с этими парнями, и они находятся под моей командой. В этом месте власть принадлежит только одному человеку – мне и никому другому. Если вам это не нравится, примите к сведению, что я не брошу никаких обвинений этим людям, рядом с которыми я лежу в грязи и которые спасали мою жизнь.»

Первые дни окружения

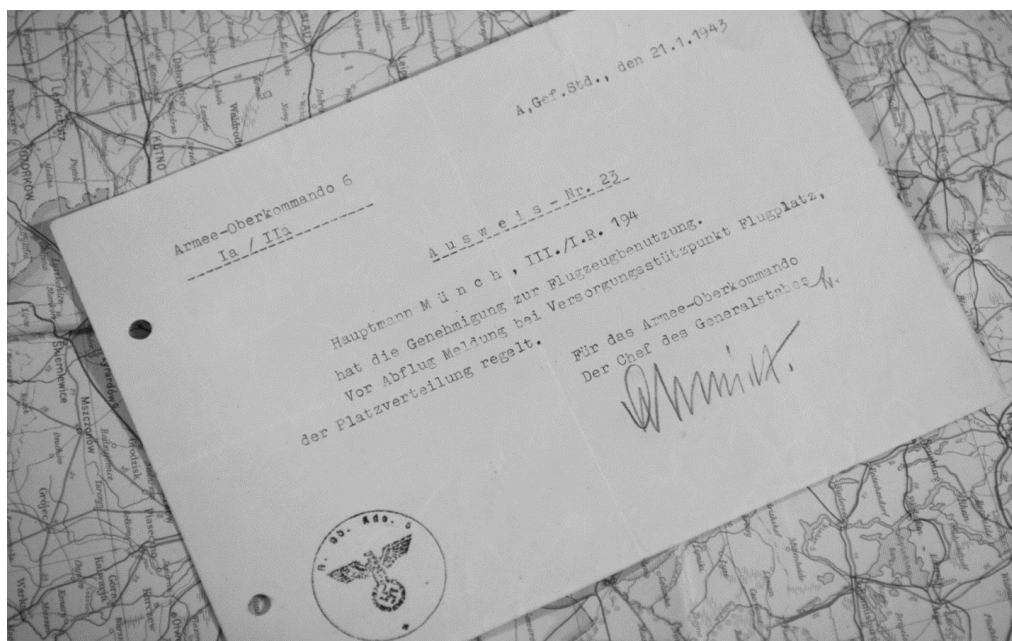
Мюнх побывал в отпуске и в ноябре 1942 г. вернулся в Сталинград в ночь перед тем, как советские войска замкнули кольцо окружения...

Я прибыл в Клетскую. Уже чувствовалось, что ситуация на фронте резко изменилась. Много случилось на левом и правом флангах. Возвращавшиеся или направлявшиеся в отпуск были наспех собраны в батальоны. Их спрашивали: чем занимались раньше, какой была должность и тому подобное. Если бы я сказал, что был командиром батальона, меня бы отправили командовать батальоном, состоявшим из людей, у которых даже не было оружия. Да многие из них и не были годны к боевой службе. Я решил по-своему, и вышел к дороге. На дороге я увидел проходящую машину из моей дивизии. Остановил ее, спросил, куда она направляется и услышал: «В Сталинград». Туда я и хотел попасть. 22 ноября в 2 часа ночи мы переехали через мост в Калаче, а в 6 утра русские уже были там. Добравшись до командного пункта [в Сталинграде], я услышал приказ: «Прорываться. Сделать необходимые приготовления и идти на прорыв. Капитан Мюнх возглавит арьергард полка.» Все было предусмотрено до мельчайших подробностей: участки прорыва, направление движения – на запад или на юго-запад. Всех раненых оставить. Слава Богу, у нас их почти не было. Я должен был получить указания и отдать приказы подчиненным. Все, что не могло быть использовано, подлежало уничтожению. Позиции, которые мы оставляли, были частично заминированы. За столь короткий отрезок времени много мы сделать не могли. И тут, совсем незадолго до начала, пришел противоположный приказ: мы должны остаться на месте! Нам пришлось очищать наши позиции от мин, и все в тот же вечер! Плохое это дело – возвращаться на

оставленные позиции, частично разрушенные. Потом мы услышали знаменитые слова: «Фюрер сказал: «Я вытащу вас оттуда.»» Ничего за этим не последовало, но наша вера в тот момент осталась непоколебимой...

Спасение

... После Рождества мы перешли в сектор завода *Красный Октябрь*, находившийся под контролем 305-й Дивизии. Из двенадцати огромных цехов два всегда были у русских. У нас их, думаю, было десять. В ту ночь, когда нас сменили, в ночь с 6-го на 7-е января, мы потеряли, по меньшей мере, восемь цехов или семь, я уже не уверен. Так или иначе, мы едва сумели [удержаться]... Это была трагедия. И тут я неожиданно получил то ли радиogramму, то ли телефонный звонок: «Вам приказано прибыть в штаб.» Там командовал Зейдлиц, как-то раз он находился на командном пункте вместе со мной и сказал следующее: «Мамаев курган находится за вами. Кто держит его под контролем, тот контролирует котел.» Мы удерживали курган довольно долгое время, и у меня было ощущения, что я должен сказать своему командиру что-то об этом. Шагая от *Красного Октября* вверх по склону мимо так называемых *белых домов*, я добрался до командного пункта одного из полков 305-й Дивизии, которым командовал подполковник Вольф (Wolf). Там мне дали мотоцикл, на котором меня отвезли в штаб корпуса, находившийся на западной окраине города. По дороге я видел *тысячи* трупов, которые не могли похоронить из-за морозов. *Т-ы-с-я-ч-и*. Проехать можно было только по узкой дороге... из-за ветра трупы даже не замело снегом. Там торчала из-под снега голова, там рука. Это было испытание... Когда я добрался до штаба корпуса и попытался доложить о том, что должен был доложить, меня оборвали: «В этом нет нужды. Сегодня вы будете эвакуированы из кольца окружения на самолете.» Я было подумал, что так быть не должно. Я прошел весь путь сюда со своими солдатами, а теперь должен бросить их? Нет. Последовала дискуссия, и я спросил: «Есть ли у нас хоть какой-то шанс? Даже если у нас один шанс из тысячи, я должен попытаться использовать его.» В этот момент в комнату вошел Зейдлиц, услышал мои слова и обратился ко мне: «Если вы верите в себя, вы можете попытаться вырваться [из окружения] с группой солдат, что ж, попробуйте! Но (тут он подошел к карте) позиции германских войск находятся здесь – до них 250 километров, и в настоящий момент они уходят с Кавказа. Осмелитесь ли вы попытать счастье?» И мне пришлось сказать: «Нет, не смогу.» Зейдлиц сказал: «Отправляйтесь на командный пункт Армии и получите полетные документы.» Я получил их и до сих пор храню в ящике своего стола.

Документ, согласно которому Мюнх получил возможность покинуть Сталинград. Подписан генерал-лейтенантом Шмидтом

Утром 22 января Мюнх вылетел из Сталинграда с временного аэродрома, так как части Красной Армии к тому времени уже захватили аэропорт Гумрак.

Первые три самолета, которые я увидел, были *He-11*. Они сбросили грузы с продовольствием, но не стали приземляться. Затем, ближе к 9 часам, прибыли самолеты *Тетка Ю (Tante Ju - распространенное среди немецких солдат прозвище самолета Junkers 52 – ВК)*. Они сделали круг, потом один из них сделал посадку. Но русские тем временем узнали об этом и начали артобстрел аэродрома. В этот момент полузамерзшие люди выбрались из развалин и взяли самолет штурмом: так они рвались улететь. Когда я показал свои документы командиру экипажа, он сказал: «Хотите сесть в самолет? У вас никогда этого не выйдет.» Я забрался в кабину экипажа, и самолет пошел на взлет.

Мы долетели до пункта Зверево к северу от Таганрога и ни разу не попали под обстрел. В Таганроге находился штаб группы армий. Здесь меня представили начальнику штаба Майнштейна. Меня попросили показать, откуда я прибыл: им были нужны подробности. Я едва ли мог показать что-то на карте и ничего не мог вспомнить. Лейтенанту по фамилии Нойрер (Neurer) приказали присмотреть за мной. Он отвел меня в казино... Там были белые скатерти – разумеется, все было не так, как на фронте. Я был грязным, небритым – просто с бородой, половина моей формы была заляпана кровью. Я подошел к офицеру, старшему по званию среди тех, кто сидел за столом. Нойрер представил меня: «Вернувшийся из Сталинграда, мы только что привели его сюда.» И надо ж случиться, что старший офицер оказался моим преподавателем по саперному делу из военного училища. Он встал из-за стола, и мы перешли в соседнюю комнату. Он хотел порасспросить меня, предложил мне блюдо с шоколадом, который я весь съел. Затем лейтенант отвел меня в гостевую комнату, где стояла кровать с белыми простынями. Я упал в нее, отключился и следующие 24 часа ни на что не реагировал. Меня пытались разбудить и, в конце концов, позвали врача. Принесли бритвенные принадлежности, новую форму, дали принять ванну. Весил я тогда 106 фунтов...

После битвы

Я не могу просто стряхнуть все это. Но я не должен упоминать об этом, вспоминать об этом. Душевные раны не заживают. Я пережил этот кошмар и вернулся к своей семье. Конец истории.

Возвращаетесь ли вы туда во сне?

Часто ночами я не сплю и вспоминаю, но как-то привык к этому. До сих пор мысли об этих ужасах добираются до какой-то точки у меня в мыслях, упираются в что-то вроде стены. За этой стеной – скорбь, но я ее больше не ощущаю. В моем случае ее заблокировало. Кажется, появилось что-то вроде барьера.

После войны я не ездил в Россию. У нас двое сыновей, оба психоаналитики. Они запретили мне какие-либо контакты с той страной. Они говорят, что я этого не перенесу. Они сказали мне вполне определенно: «Если ты поедешь в Волгоград, ты этого не вынесешь.» Все это просто так не стряхнешь. Слишком жестоко все это было. Те, кто через это не прошел, даже представить себе не могут, что такое могло случиться. И нельзя сказать родственникам о том, как погибали те, кого они любили, погибали от голода, жажды или мороза. Не всякая семья это выдержит, и я этого не хочу никому говорить.

Что для вас означает Сталинград?

Все, что имеет отношение к Сталинграду, стало правилом поведения. Моральным компасом. Когда у нас [в семье] возникает какое-то напряжение, кому-то одному стоит сказать слово *Сталинград*, и все успокаиваются. Это так нас объединяет... Судьба взяла меня за руку, и я выбрался оттуда живым. Почему я? Этот вопрос преследует меня снова и снова.

Один журналист из Кельна задавал мне глупые вопросы. Он спросил: «Почему вы не прекратили борьбу и не сложили оружие?» - Я ответил: «Вы не понимаете солдатскую этику. Вы так и не поняли, кем были солдаты в ту пору. Те, кому было 10 лет в 1933, стали двадцатилетними в 1943-м. Они ничего другого не слышали, знали только то, что им нашептывали в уши. Не было газет, не было телевидения, не было радио, всего это не было. Им не с чем было сравнивать. И еще стоит добавить ко всему этому, что, с их точки зрения, изначально война шла успешно...» *Почему вы не прекратили борьбу?* - Это был самый тупой вопрос, который я слышал когда-либо:

Гюнтер Мюнх умер 6 декабря 2011 г.

Franz Schieke

Франц Шике родился в 1922 в городе Хеклинген (Hecklingen) близ Магдебурга. В 1941 г. он был призван в трудовую армию и отправлен на Восточный фронт. В 1942 г. он стал солдатом, получил звание “старший унтер-офицер” и стал ординарцем капитана Мюнха в составе 71-й Пехотной Дивизии. Тогда как Мюнху удалось выбраться из Сталинграда на самолете 22 января 1943 г., его ординарец попал в плен спустя несколько дней. После 7 лет пребывания в плену Шике вернулся в Восточную Германию, где вступил в Коммунистическую партию (тогда это уже была Социалистическая Единая партия германии – СЕПГ - ВК) и поступил на службу в Министерство Внутренних Дел. Когда пала Берлинская Стена и реформированная СЕПГ согласилась на объединение Германии, Шике покинул партию в знак протеста. Объединение страны дало Шике возможность найти своего бывшего командира, который жил в Западной Германии. Уже в 1990-х они связывались по телефону... Во время интервью Шике говорил преимущественно на две темы: о своих отношениях с Мюнхом и о политическом предубеждении, которое характерно для настроений, с которыми вспоминают о Сталинграде западные немцы. Шике попытался, не без эмоциональных переживаний, противопоставить рассказ о своей жизни этим предубеждениям.

Когда мы вошли в Сталинград и прорвались к Волге, в моей роте оставалось только 8 человек. По этой причине, поскольку я был посыльным, я все время был в контакте с Мюнхом – командиром батальона, будучи его ординарцем, его правой рукой. Тогда мы стали близкими друзьями, поскольку все время были в опасности и еще из-за того, как он вел нас в бой. Я имел в виду, что очень много разного случалось тогда. Он мог нас и под трибунал отдать, но он не сделал этого. Он несколько раз просто сделал вид, что не заметил чего-то. Поэтому мы обожали его. Как могло случиться, что подчиненный стал так близок к своему командиру так неожиданно? Первое, что я сделал после того, освободился из плена, - я узнал, жив он еще или нет. И эта близость между нами существует до сих пор. Когда мы снова встретились в 1990-х, он обратился ко мне на «ты». Так вот, он оказался генералом Бундесвера. Я мог бы сказать: ну и идиотизм. Больше мы с ним не виделись. Два мира... мы выросли в двух разных мирах.

Где был он, там был я. Мы заняли дом, тот дом, я до сих пор его помню. Мы сидели в подвале, и тут русские взорвали стену. Мы оказались прямо напротив них, лицом к лицу: пятеро русских солдат с офицером и санитаркой. И тут они сдались в плен. Они просто не ожидали, что найдут кого-то в подвале...

Удавалось ли вам расслабиться – ведь вы все время были в опасности?

Ну, такова солдатская жизнь. Это – часть твоей профессии. Все время думаешь о самосохранении. То, что случилось со мной, частично произошло по моей вине. Солдатам иногда становится скучно, и тогда один из них стреляет в направлении другого, поверх головы. Тогда я подумал: эге, кто-то

ведет себя глупо, его нужно предостеречь от этого. И я посмотрел в том направлении, откуда раздался выстрел. Вот это и было моей ошибкой. Стрелял русский снайпер, и так вот меня ранило.

Я получил ранение в голову. Случилось это 15 января. Пулевое ранение. И здесь я могу сказать только то, что я выжил благодаря Мюнху. В тех обстоятельствах медицинская помощь была едва ли возможна, но он быстро организовал ее. Во всяком случае, меня уложили в машину и отправили в госпиталь. Но и госпиталя, как такового, уже не было. В том секторе русские атаковали нас, и мы остались сами по себе. Тут-то и случилось самое ужасное. 16-го числа я целых 48 часов брел в одиночку по заснеженной степи. Благодаря тому, что хорошо ориентировался на местности, я нашел наш штаб. Мне уже должны снова выдать винтовку. На ночь я улегся в подвале, но тут кто-то, пытаясь найти себе место, наступил мне на рану, и она вновь начала кровоточить...

Ну а потом наступил момент, когда каждый спасался как мог. Плен... Мне повезло: нашелся советский лейтенант, говоривший по-немецки. Он попросил, чтобы кто-нибудь принес котелок воды. Принесли литра два. Я проглотил ее залпом и поэтому пережил тот долгий марш. Было это 1 февраля. Что ж, вы видите, та сторона обошлась с нами гуманно. Поэтому я и говорю всегда: почему люди нечестны? Да, там было тяжело, но они не обращались с нами бесчеловечно. Я провел там 7 лет и знаю, как это было на самом деле.

Затем следующий период моей жизни – 7 лет плена. Через 24 часа нам дали что-то поесть. Кусочек сахара и ломтик хлеба! Но это прячут под ковер. Об этом не говорят. Вот видите? Куда больше - нам дали больше хлеба, чем выдавали местным. Нам стали выдавать 600 грамм хлеба, а местным всего по 400.

Первые несколько недель нашего пребывания в плену, само собой, были тяжелыми, поскольку мы оказались в бывшем фабричном здании и спали на полу. Но, как я уже сказал... они старались заботиться о нас настолько, насколько могли в военное время, и, кроме того, старались оказать нам медицинскую помощь. И так было до самого конца нашего пребывания в плену, а теперь вы читаете истории о том, как с ними [военнопленными] плохо обращались. Ну а я провел там семь лет и знаю, как все это было. Не могу этого понять, и это меня раздражает. У меня складывается такое впечатление, что русских хотят изобразить недочеловеками, но это неправда. Марш в лагерь занял 48 часов. Если они [красноармейцы] убивали кого-то на том этапе, это было потому, что кто-то уже не мог идти, и его не могли оставить посреди пустыни. Его не могли оставить замерзать до смерти, отсюда и такой принцип: целься и стреляй. Тех парней уже невозможно было вести куда-то. Ну а мы сами ослабли настолько, что едва могли продвигаться сами. Ну почему люди говорят об этом в таком негативном свете? С нами обращались, как с людьми.

Вы полагаете, что восточные немцы вспоминают Сталинград по-другому, чем западные немцы?

Если вы говорите обо мне, то да. Я говорил вам, что я вернул обратно [западногерманские] книги, которые я читал, потому что я не хочу, чтобы их прочитали мои дети. Потому что это – нечестные книги.

Например, в одном лагере я работал на лесоповале, сплавляя лес вниз по Волге до устья реки Унша (вероятно – Унжа – ВК). Мы работали вместе с девушками-студентками. Вы не можете себе представить, насколько сильно это общение вдохновило нас. Они даже покупали нам зубную пасту за свою жалкую зарплату. Затем двое моих товарищей погибли... Там, на плоту, было какое-то зеленое растение, и двое наших решили, что оно съедобное. Охранник предупреждал, что оно ядовитое... Короче, неожиданно двое из нас потеряли сознание. Так девушки сгоняли на рынок, раздобыли молока и дали его тем парням. Это не помогло, но... Комендант прислонил трупы к стоякам и заставил всех нас, военнопленных, пройти мимо. Он сказал: «Вот посмотрите на них! Мы для вас все делаем, и вы не должны расстаться с жизнью так по-глупому.» Что ж, жизнь

военнопленного – это не ложе из розовых лепестков, это точно. Но с нами обращались, как с людьми.

Когда вы смотрите на это фото, где вам 19 лет, какие воспоминания к вам приходят?

Мне всегда интересны воспоминания о прошлом, размышления. Для кого мы пошли воевать? Это – альфа и омега. Но никто не задумывается. Во *Всенародный День Скорби (Volkstrauertag)* – наш национальный праздник в ноябре – люди скорбят о погибших, но не спрашивают, почему и пришлось отдать свои жизни. Да и сегодня происходит все то же, что и всегда. Вот зачем мы пошли в Афганистан?

Чем является Сталинград для вас лично?

В настоящий момент ничем. Меня огорчает то, люди не задумываются над уроками истории. Кто-то должен задать вопрос: почему? Мы, немцы, столько несчастий принесли остальному миру... Человек, переживший Вторую Мировую войну, его отец, который прошел через Первую Мировую, должны задуматься. И всегда остается вопрос: «Почему, для чего?» Будем честными перед самими собой. Возьмем День Скорби. Что он должен означать? И по сей день никто не ответил на вопрос: «Почему мой отец воевал в Первой Мировой? Почему мне пришлось воевать во Второй Мировой? Что это было?» Это не нацисты были виноваты, виновата была система – капитализм. Вот я слышу: «Позаботимся о немецких могилах в Сталинграде.» И дальше что? Нет чтобы спросить: «Для чего мы разрушили ту страну?» Но, вы видите, этого не происходит.

Это просто злит меня. Я признаю, мы много чего сделали не так в ГДР. Что-то нужно было менять, но ведь оставались базовые принципы... Раньше мы всегда говорили: мы не хотим войны, войн больше не будет. Аденауэр после 1945 г. сказал как-то: «Да отсохнет рука у того, кто-то возьмет в нее оружие.» И что от этого случилось? *(Шике приписал эти слова канцлеру Конраду Аденауэру, хотя, на самом деле, их произнес Франц Йозеф Штраус во время избирательной кампании 1949 г.)*

Есть ли сталинградский эпизод с участием г-на Мюнха, который останется навсегда в вашей памяти?

Незадолго до конца случилось так, что несколько солдат собрались дезертировать. Он стал их отговаривать от этого, я был рядом. Они сказали ему тогда: «Пока ты наш командир, мы остаемся. Если тебя убьют, мы уйдем.» Большого я не могу вспомнить. Кроме всего прочего, плен разъедает человеческую память. Повлиял он и на мою – я многое забыл. После освобождения, если бы я мог сесть и написать обо всем, я бы написал о многом. Но тогда я сказал себе: «Я выжил, и жизнь должна продолжаться.»

<http://facingstalingrad.com/>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org